

*Воспоминания Сапего, в годы войны проживавшей в г. Кемерово.  
2014 г.*

В 1933 г. семья моей мамы переезжает с Украины в г. Кемерово, там в это время был сильный голод.

В 1937 г. у меня умирает мать, Колесникова Мария Викторовна, мне в это время было 1 год 9 мес.

В 1939 г. на финскую войну был призван мой отец, где и погиб.

В 1942 г. погибает муж моей тётки, у которой я воспитывалась. В том же году умирает мой дедушка (отец мамы). В семье остались одни женщины. Трое из них работали на азотно-туковом заводе (ныне «Химпром»).

Тетя, Колесникова Ал[ександ]ра Викторовна работала в медсанчасти при заводе.

Днем я училась в школе № 42 (1-2 классы), а ночью тетя брала на работу с собой свою дочь и меня, где мы стирали окровавленные бинты, сушили, скатывали в рулоны. За проделанную работу мы с сестрой получали утром по порции каши.

В школе зимой было постоянно холодно. Тетрадей не было, мы находили на станции «Предкомбинат» б/у мешки из-под селитры, очищали их и делали тетради, а когда мешков не было, писали на газетных листах.

Продукты, хлеб получали по карточкам. Однажды я простояла в очереди за хлебом с утра до вчера, а когда привезли хлеб, оказалось, что в руке у меня зажата вместо карточки простая бумажка. Семья из четырех человек целых 10 дней (декада) были без хлеба, а я почти всю ночь пряталась, боялась вернуться домой.

Во время войны эвакуированных людей я обучала сажать картошку. Они брали меня на поле, и мы вместе сажали картошку, сеяли просо.

В 1943-44 гг. я и бабушка чудом выжили, бабушка была вся опухшая и со свищем на спине от ведра. Каждый день она ходила на поля

Металлплощадки – собирала мерзлую картошку. Из нее мы делали оладушки – тошнотики, иногда даже продавали, чтобы потом купить кусочек хлеба и раст[ительного] масла. Я до сих пор помню: один тошнотик стоил 1 руб. (это были большие деньги), и их надо было продать 100 шт., чтобы купить кусочек хлеба. Эти тошнотики спасали нас от верной гибели.

Моя бабушка Евдокия Алексеевна была очень добрым человеком, в такое трудное время она не отдала меня в дет[ский] дом. Чтобы как-то меня спасти от голода, она потихоньку и свой хлеб скармливала мне, в то время я этого не понимала. Одним словом, весной тошнотики, всякая зелень – лебеда, крапива, а летом щавель, черемша, ягода.

Ездили просить милостыню на ст. Барзас, там же уходили в тайгу за черемшой.

До войны у нас было много красивой хрустальной посуды – всё это было променяно на хлеб, муку.

Во время войны мы жили на 2-м уч[аст]ке Азота, мимо нашего дома проходила дорога в с-з «Горняк», по этой дороге периодически в совхоз с мелькомбината возили для скота жмых сои. Так нам иногда перепало по пласту соевого жмыха. Очень хорошо этим жмыхом утоляли голод. Старшие ребята делились с малышами.

Я до сих пор не могу не только есть продукт, где имеется соевый белок, а даже слышать не могу – начинается аллергия.

Одежды практически совсем не было. В районе нынешнего п/о «Азот» находилась огромная городская свалка, мы с нее и одевались, и топились, и ремонтировали жилье.

Из найденного куска какой-то упаковки бабушка сшила мне платье, т.к. в школу ходить было не в чем, правда, это платье на глазах расплзлось и учительница Агриппина Ефимовна, проходя между партами, расстегивала свою фуфайку, доставала иголку с ниткой и во время урока зашивала на моем плече дыры.

Одежды практически совсем не было. В районе нынешнего п/о «Азот» находилась огромная городская свалка, мы с нее и одевались, и топились, и ремонтировали жилье.

Из найденного куска какой-то упаковки бабушка сшила мне платье, т.к. в школу ходить было не в чем, правда, это платье на глазах расплзлось и учительница, Агриппина Ефимовна, проходя между партами, расстегивала свою фуфайку, доставала иголку с ниткой и во время урока зашивала на моем плече дыры.

ГКУ ГАК, ф. Р-1334, оп. 1, д. 149, л. 1-3. Подлинник. Рукопись.